

Тагор

но муфточку, повертел так и сяк.
— Чё-т не разумею, Леонид Иванович. Потерял, что ли, кто?
— Повторяю: эта вещь вам знакома?
— А то как же? Сам шил, сам свеживал. А в чём дело-то?
— Да знаете ли вы? — не вытерпел профессор и взволнованно заходил по конюгарке. — Знаете ли вы, чей это был подарок? Самого Ра-бин-драната Тагору-о-ра! — возвысил голос профессор.
— Это кто ж такой? — не то чтобы испугался, но сразу насторожился истопник.
— Великий индийский поэт и философ! Вы послушайте, какие стихи!

Та женщина, что мне была мила,
Жила когда-то в этой деревеньке.
Тропа к озерной пристани вела,
К гнилым мосткам
на шаткие ступеньки.

Капитонич стоял к профессору бочком, внимательно, но как бы недоверчиво вслушиваясь. Вообще-то он привык к поэтическим экзерсисам...

Название этой дальней деревушки, Быть может, знали жители одни. Холодный ветер приносил сопущи Землистый запах в пасмурные дни.

Стихи заинтересовали старика — он вспомнил родную деревеньку, которую пришлось покинуть в 30-е годы: голод, безнадёга, голытьба бесчинствует, семенное зерно из амбара дочиста выгребли...

Профессор читал, прохаживаясь три шага туда, три шага обратно...

Она меня водила к храму Шивы, Тонувшему в густой лесной тени. Благодаря знакомству с ней, я живо Запомнил деревенские плетни.

«Деревенские плетни» как-то особенно тронули память Капитонича. Он присел на табуретку, свернул цигарку, закурил, продолжая слушать.

Крестьяне ждут на берегу паром, И обсуждают сельские дела. Мне переправа не была б знакома, Когда б она здесь рядом не жила.

— Вы понимаете, какие чувства, какая светлая грусть! — закончил профессор.

— Хорошие стишки, — взятый за душу согласился истопник. Но, стяхнув с себя «светлую грусть», добавил: — Но у наших студентов, Леонид Иванович, не хуже, а то и покладнее будет. И про баб, и про войну... — кочегар обсекал, встретившись с усталыми, немного досадливыми глазами профессора. Оба молча смотрели друг на друга.

— Ты зачем животное сбил, Капитонич? — напрямую спросил Тимофеев. — Мне же этого кота из рук в руки сам Рабиндранат Тагор подарил, великий гуманист и мыслитель. Помяно, он говорил, что это — символ мудрости, изящества, красоты. А ты взял и задрал, как живодер, — добавил с укором. — Ну, понимаю, время тяжёлое, разлука, каждый старается что-нибудь достать, подкальмить, что называется. Но нельзя же так!

— Помилуй, Леонид Иванович, — сконфузился истопник, — я же не знал, как говорить, что это ваша скотина.

— Капитонич, — с обидой сказал профессор, — это не скотина, как вы изволите выражаться, а великий подарок от великого человека.

— Так я же не для себя старался, — продолжал оправдываться старик.

— А для кого же? Для этого хлыща, чтоб он охмурил очередную поэтессу? — И профессор назвал фамилию Александра.

— Ну, этот тут ни при чём, — возразил заступнически Капитонич. — Ему одна только шкурка досталась. А мясо всё ребята съели.

— Как, ещё и съели?!

— Съели, Леонид Иванович, за милую душу умяли, — смеясь, махнул рукой истопник. — Правда, мясо, говорят, жестковатое, но так у них зубы ж молодые, только треск за ушами стоял, хе-хе-хе, — осторожно засмеялся Капитонич. И подытожил: — Хорошие ребята, я таких люблю. И стишки у них хорошие.

— Это... какие такие ребята? — с явным изумлением выговорил профессор.

Истопник ещё более насторожился.

— Да эти, — стал опять оправдываться, — фронтовики. Встретились, понятное дело, обрадовались — что ты! такую войну пережить! Ну, зашли ко мне: «Капитонич, у тебя чё-нибудь закусь найдётся?» А я гляжу, у них целая фляжка спирту. Думаю, голодные, спьянятся, натворят ещё чё не надо. Чем бы, думаю, накормить их?.. Тут гляжу: лежит этот на лежанке, растянулся и в ус не дует... Ишь ты, повадился! Придёт, развалится и лежит день денской, то ли старый, то ли лодыр несусветный. Я иной раз сам хочу на лежанку прилечь, и так, и эдак — никак не столкнёшь паразита, пока рукавицами не огрешу. Ну вот, а ребята, гляжу, голодные. Я этак прикинул на глазок: фунтов шесть-семь

чистого мяса. Ну, думаю, возьму грех на душу, скажу, что зайчатина... Уп-лели за милую душу! Сам я, правда, не попробовал, побрезговал: одно дело — знать, а другое — не знавши. Разница? — сдержанно засмеялся истопник.

Жалкая улыбка выдалась и на лице профессора.

— Разница, — подтвердил он. И тоже засмеялся. Потом засмеялся громче, ещё громче и, наконец, расхохотался, повторяя одно и то же: — Разница, ну и разница! — Отемевшись, расстегнул портфель, положил туда муфточку, а оттуда вытащил бутылку коньяка и шпроты. Улыбаясь, опять повторил: — Разница, ай да разница! Ну, давай, Капитонич, помянем старика Хинди. Мне ведь его Рабиндранат Тагор совсем котёнком подарил. Умный был кот, философского склада ума. — И, усмехнувшись, процитировал из «индийского Льва Толстого»: — «Упысь, и пусть всё идёт прахом! Ибо я знаю, что вершина всей мудрости, чтобы упысь-ся», — на что Капитонич, оберев рукавицей гранёные стаканы, резонно возразил, что лично он не сторонник того, чтобы упышаться, а вот выпить, конечно, не грех.

И выпили. Сразу как-то захмелевший профессор возгорелся назидательно — дабы впредь буде помнить — просветить Капитонича, что в Древнем Египте, например, кошка была священнейшим животным, вроде нашего голубя, символизировавшего Святой Дух.

— Ишь ты! — заметил Капитонич. — А наши кошки голубей за милую душу дуют, з-заразы!

Свое назидание профессор дополнил цитатой, якобы выбитой на одной из гробниц египетского царя: «Ты — великий кот, мститель богов», и привокупил, что даже за случайное нанесение ущерба кому-либо из кошачьего племени в то время жесточайше каралось. Капитонич намёк понял и заверил, что если бы он знал это раньше, что кот Леонида Ивановича такой знатный, он бы, конечно, уж чё-нибудь другое из закуски сообразил молодым поэтам, а такой хлюст, как Сашка, свою зазубу и без муфточки, небось, уломает. И кстати, рассказал профессору, как кот Хинди оказался на ручках студентки Гофф в виде муфточки.

Выяснилось следующее.

Когда поэты-фронтовики, сытые и хмельные, вышли из кочегарки, в это же время на смену им завалился Александр — погреться, покурить, стишки почитать. Пожарился, что никак не окрутит одну понравившуюся ему ступенчатую — ну, ни в какую! Не горит, ободрил его Капитонич, с бабами надо проще, как кот с мышками: протолкался, подкараулил — цап-парап — и опять на лежанку. А промахнулся, жди, другая объявится. Он, Капитонич, сам в молодости не промах был в этом деле: о, скоко их перещёлкал! — и согнутой фалангой прокопчённого пальца сладко расправил сивые волосы. «Ты подари ей чего-нибудь», — посоветовал поэту. — Девки это любят». Заодно угостил тоже голодного Александра оставшимся кусочком кошатины, который утаил от давешней трапезы, чтобы угостить бродячего пса Ганса, на ночь обыкновенно заглядывающего в кочегарку переночевать. Кошатины, разумеется, выдал за зайчатину. «Вкусно, но жестковато», — также заметил печальный поэт. А приметив висевшую на гвоздике шкурку, спросил Капитонича: — Это и есть заяц? — «Он самый», — нимало не мигнув, ответил истопник. Поэт взял шкурку, повертел в руках, погладил немного вылинявший мех и вдруг попросил Капитонича сшить из неё муфточку. «Для подарка, что ли?» — догадался Капитонич и согласился: святое дело, как же! И велел приходить через сутки: он шкурку выделает, а сшить — плёвое дело. Только суровые нитки пусть принесёт — с нитками напряжёнка. Разумеется, слово сдержал: выдубил, сшил — всё чин чинарём. А то!

Вот таким Макаром муфточка из кота Хинди, подаренного некогда великим индийским поэтом профессору Тимофееву, оказалась на ручках Инны Гофф, впоследствии написавшей замечательно-сенные стихи:

Поле, русское поле...
Светит луна или падает снег, —
Счастлием и болью вместе с тобою.
Нет, не забыть тебя сердцу вовек.

Шагая домой, пьяненький профессор мысленно спорил с поэтом и философом Рабиндранатом Тагором на предмет, что такое национальный характер, в чём его особенность, в чём уникальность?

— Нет, брат Тагор, — говорил важно и рассудительно профессор Тимофеев, — что для Востока красота, то для России закуска под водочку, а то и под чистый спиртник. — И смеялся, приговаривая: — Разница? То-то и есть, что разница: один любит, а другой только дразнит.

Нет, братцы мои, мы — не Запад. Однако и не Восток. Мы — Россия!

Впервые с творчеством одного из самых самобытных современных поэтов России Михаила Трофимова я познакомилась лет десять назад благодаря журналу «Наш Современник», на страницах которого была опубликована подборка поэтов Иркутской области

Особенно запомнились стихи одного автора, потом на встречах с коллегами и читателями с удовольствием цитировала их в подтверждение того, что в глубине жизни — чтобы упышаться, а вот выпить, конечно, не грех.

То «первое пришествие» стихов Трофимова выпало на непростой период моей жизни. И я благодарна, ведь они очень помогли мне дав веру, что «безнадёжное» поэтическое дело в современной России — не так уж безнадежно, коли есть такие поэты и такие стихи!

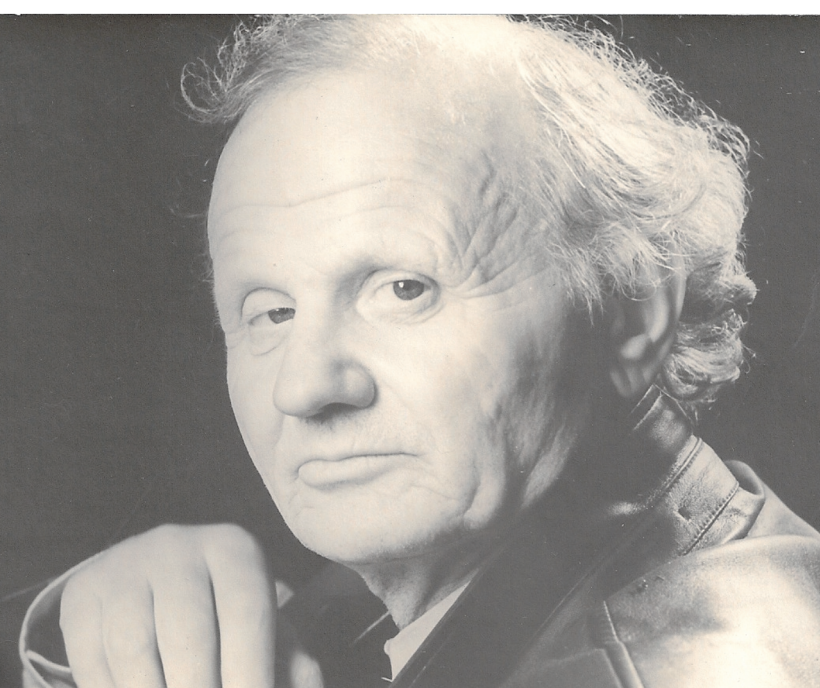
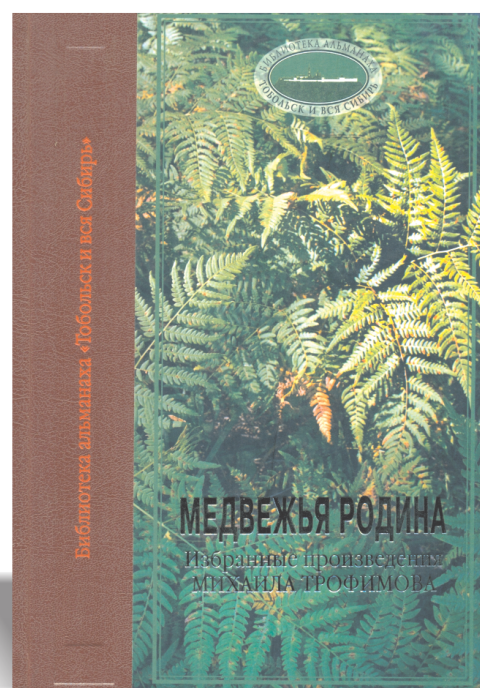
Спустя почти десяток лет, приехав в Иркутск на литературный праздник «Сияние России», я познакомилась с поэтом Михаилом Трофимовым. Моментом истины стало наше совместное выступление, когда я услышала, как Трофимов читает свои стихи. Холодок узнавания пробежал по душе... Так вот ты какой, Михаил Трофимов! Простой на вид мужичок, похожий то ли на вешего волхва из Берендева царства, то ли на доброго лещего. В общении скромный, даже застенчивый, но выходит на сцену — и волшебным образом застенчивость превращается в такое обаяние, в такую поистине детскую непосредственность, что публика сразу впадает в восхищение. Да уж, выступать с Михаилом Трофимовым на одной сцене не просто! Непросто конкурировать с его простотой!

Второе, «иркутское пришествие» стихов Михаила Трофимова было пронизано знобко согревающим душу октябрьским байкальским ветром. А вот «третье пришествие» автора в мою жизнь стало тобольско-омским. Главным редактором антологии «Тобольск и вся Сибирь» фонда «Возрождение То-

«В час ночной звезды...»

Из предисловия Дианы Кан

к книге избранных произведений Михаила Трофимова «Медвежья родина»

больска», выдающийся поэт Юрий Перминов, проживающий в Омске, предложил мне стать редактором готовящегося издания избранных произведений Трофимова. Книги, которая, как я могу с уверенностью заявить, будет прекрасным подарком читателям. Она увидит свет в тот непростой период, когда настоящему поэту, далёкому от коммерческих полиграфических перебрёвков так трудно «попасть в переплёт». Зная уровень издаваемых фондом «Возрождение Тобольска» книг, можно смело сказать, что «переплёт» будет достойный. «И золотое содержание книг, // Нуждается в застёжках золотых», — сказал классик Средневековья во времена, когда книги ещё имели таковые застёжки. А содержание этой книги Трофимова и есть золото, «золото народное».

О том, что Трофимов — самобытнейший, талантливый поэт, я знала давно. А вот насколько он разножанровый автор, выяснила благодаря редакторской работе с рукописью этой книги. Собственно, издание и призвано представить Михаила Трофимова во всём многообразии его литературной палитры: стихотворения, поэмы, детские стихи, пьесы, прозаические произведения, сказки о земле и природе сибирской... Палитру я упомянула неслучайно, потому что Трофимов не только выдающийся современный русский словотворец-словохранитель, но ещё и самобытный народный мастер глиняной игрушки.

Если бы меня спросили, каков истинный народный русский поэт, я сразу бы вспомнила Михаила Трофимова. Такой вот немного не от мира сего человек, открытый и в то же время настороженный. Не горлан-главарь! Не трибун-опозиционер! Не путает сыновью любовь к России с публицистическим об-

личением несовершенной, по определению, земной власти. Практически всё, что написано Трофимовым, настолько плоть от плоти и кровь от крови русского народа, русского духа, русской речи, что с полным на то основанием можно считать патриотическими и гражданскими любые его даже сугубо лирические стихотворения, поэмы, сказки.

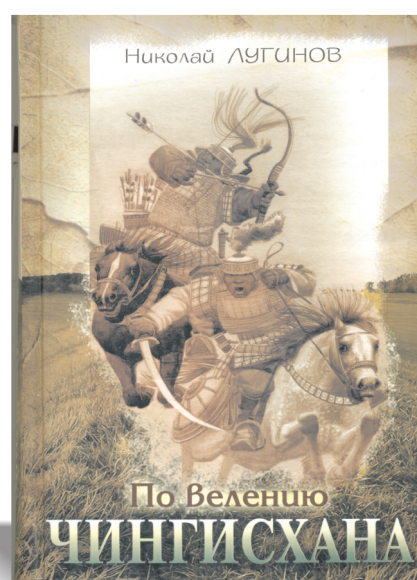
Атмосферой русской сказки пронизано всё, что создано Трофимовым в литературе. Читатели и писатели России так стосковались сегодня по нашим сказкам, так устали от навязываемых масс-медиа в большом количестве чужеземных фантазмагорий... Заскучали по «преданьям старины глубокой», которые на проверку оказываются современнее современности. По родной, побелённой бабушкой, печи-магуще. По вкусу испечённых в ней пирогов.

Русская сказка живёт в творениях Трофимова — добрая, светлая, таинственная в своей непостижимой сакральности. За внешней пасторальностью нет-нет да и открываются такие космические бездны, что вся хваленая античность с её бессмертными, пережившими тысячелетия трагедиями кажется почти мелочью... Но порой, как в русской сказке: чем дальше, тем страшнее! Ведь это сказка, где ещё и бабушка жива, и печь топится, и пироги пекутся, и сказки сказываются... А наяву бабушка давно умерла, печку сломали и растащили по кирпичику, а звучавшие сказки неприкаянно разлетелись на все четыре стороны. И ты, изгнанный из этого русского рая, стоишь один-одинёшенек на ветрах неласковой эпохи. Однако нет, ты не один и ты не стихи! С тобою, русским человеком, стихи и сказки Михаила Трофимова.

На момент «третьего пришествия»

Весь роман под одной обложкой

Три книги романа Николая Лугинова «По велению Чингисхана», которые ранее выходили разными томами, наконец собрались вместе под одной толстой обложкой

В книге есть вступительное слово Сергея Михалкова, а также замечательного переводчика романа на русский язык Владимира Карпова. Едва пролистав первые страницы романа, Сергей Владимирович приветствовал произведение якутского писателя.

«Радует совершенно новое отношение к теме, свежая, порой неожиданная трактовка старой проблемы, которая не оставляет читателя равнодушным. Хочется поспорить, — писал в декабре 2000 года поэт, автор обоих гимнов страны, руководитель Международного сообщества писательских союзов Сергей Михалков. — И это уже немало, значит, автор задевает читателя. Особенно читателя со сложившимся мировоззрением. Роман интересен ещё и тем, что, несмотря на разделяющие нас восемь веков, читатель найдёт в нём множество аналогий с сегодняшней жизнью. Значит, автору удалось найти и затронуть некие общие закономерности становления и разрушения государств, закономерности в жизни людей, в человеческих чувствах. Так мы в очередной раз убеждаемся в талантливости и художественности национальных литератур, выросших под могучим духовным крылом русской классической и современной литературы. Я с большой надеждой смотрю

на золотистую ниву российских национальных литератур, уже создавших и свою классику. Зрелая поросль таких писателей, как Николай Лугинов, продолжает эти классические национальные традиции. И пусть им помогает талант и вдохновение в этом благородном деле».

Владимир Карпов, предвзяв чтение, разъясняет, что «Чингисхан в романе Николая Лугинова — философ, учитель народа. А воин он, скорее, по необходимости. Такова историческая версия писателя Николая Лугинова. С ней можно соглашаться или нет, но нельзя не признать, что художественная ткань его произведения выписана убедительно, с точностью и знанием нравов и быта того времени. Может быть, с северных земель, где условия жизни неизмеримо сложнее, нежели в Центральной России, в Москве, Николаю Лугинову стало виднее, понятнее, что значит защищённость, которую человек обретает в сильном государстве! «Свободный человек зависим от всего вокруг и лишён того, без чего свобода теряет всякий смысл покоя...», — предупреждает Лугинов».

По мнению Владимира Карпова, сегодня, когда мы переживаем упадок

государственности, размытость моральных ценностей, роман «По велению Чингисхана» обретает особую актуальность. «Писатель возвращает нас к нашей первооснове, — пишет в своей вступительной статье переводчик, — к пониманию того, как из следования родовым законам и заповедям, из чётких моральных требований складывается, как из кирпичиков, великое государство, создающее человеку основу для его полноценного личностного самовыражения. Николай Лугинов утверждает: только «люди длинной воли» способны творить историю и строить будущее».

Стоит заметить, что недавно роман якутского писателя со вступительным словом Сергея Михалкова и замечательного русского переводчика Владимира Карпова был презентован в Сербии — он вышел там отдельной книгой в переводе на сербский язык. А буквально на днях, в рамках Дней культуры Якутии в Китае в Российском культурном центре Пекина состоялась презентация книги народного писателя Якутии «Хунские повести» в переводе на китайский язык.

На китайский язык роман, повествующий о древнекитайском философе

Михаила Трофимова в мою жизнь выпал очередной творческий кризис, из которого я никак не могла выплыть... Но в том, видимо, и чудо животворящей русской речи, что после прочтения примерно половины довольно объёмистой рукописи Трофимова я вдруг ощутила, что в душе запульсировали смутные обрывки собственных строчек, ещё очень робкие, но уже имеющие шанс вырасти в стихи.

В творчестве Михаила Трофимова есть столь редкое «удесятерённое чувство жизни», о котором ещё Блок говорил как о верной примете настоящей литературы, которая призвана помочь человеку совершить, говоря по-современному, «квантовый скачок» от тьмы уныния к свету надежды, веры и любви.

Среди нынешнего моря разливного «патриотических стихов» со стенами о «погибели земли русской», после которых (и так-то невесело на душе!) и вовсе порой хочется повеситься, по счастью, есть такие редкие поэты и писатели, как Михаил Трофимов. Он будит и укрепляет в душе читателя жажду жизни, это самое «удесятерённое чувство» любви к жизни, к миру, к людям... Любви и веры, которые существуют вопреки неизбежному несовершенству земного мироздания!

Энергия молодости, доверчивость детства, свет и доброта просто лучатся из трофимовских строчек! Почитайте своим детям и внукам детские стихи поэта, чтобы они с ранних лет прониклись красотой природной русской речи. Пусть наши дети растут, читая таких авторов, как Михаил Трофимов, у которого мы, читатели, в каждом возрасте найдём что-то очень важное для нас нынешних, прошлых и будущих.

Диана Кан